

In my opinion, however, the Slavic data is also unrepresentative in such a case.

- 4) OInd. *pūryáte* ‘becomes full’ ~ Balt. **pilna-* ‘full’ (Lith. *pilnas* [secondary 3], Lett. *pīlns*), Slav. *pūlnъ, accentual paradigm *a* ‘full’. The Balto-Slavic stem **pīl-n-* is indeed dominant, but accentual characteristics of the suffix *-n-* can hardly be established, and, therefore, the valency of the root remains unknown.
- 5) OInd. *múcyáte* ‘becomes free’ ~ Balt. **maūk-ia-* (trans.), **smaūk-ja-* (trans.), **mu-n-k-a-* (intr.) ‘(verb

of motion)’, Slav. *mъknōti, *mъčati, *mykati ‘(verb of motion)’. Both Baltic and Slavic morphological types do not permit to establish the original valency of the root.

- 6) OInd. *rícyáte* ‘is emptied’ ~ Balt. **liēk-* ~ **liēk-a-* ‘to leave’. The Baltic morphological type does not permit to establish the original valency of the root.

Thus, the available material is too scant for far-reaching conclusions.

B. A. Дыбо

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Относительно др.-инд. -уа-глаголов

Установление Л. И. Куликовым акцентуационных дублетов в формах презенса с основой на *-уа-* — важный результат исследования. Но полный ли это список? Необходимо получить полные списки подобных словоформ с явно пассивным значением. Следует иметь в виду, что все исторические и сравнительно-исторические грамматики страдают из-за отсутствия полных списков засвидетельствованных в памятниках словоформ. Мне представляется, что разделение *-уа-*словоформ на IV класс и пассив по акцентовке словоформ — явление искусственное, обязанное позднейшей грамматической спекуляции, а само наличие двух типов акцентовки *-уа-*словоформ имеет фонетическое (просодическое) объяснение. Конечно, два типа акцентовки этих словоформ, возникнув фонетически, в дальнейшем могли быть использованы для различения пассивных и медиальных значений. Это мое представление поддерживается следующими фактами:

Уже Б. Уилер обнаружил, что лишь две трети соответствующих между собой имен в греко-арийском совпадают по своей акцентовке (Wheeler 1885). Он, правда, не придал этому существенного значения. Впервые на важность этого расхождения между языками, положенными в основу индоевропейской акцентологической реконструкции, было указано в совместном докладе Николаев & Старостин 1978. Были приведены следующие отклонения

в акцентовке древнеиндийских и греческих тематических имен¹:

1. др.-инд. *sankhā-* м., п. ‘Muschel’ ~ греч. κόγκος м., κόγκη ф. ‘моллюск в раковине; раковина’ || KEWA III, 290—291; Frisk I, 889—890;
2. др.-инд. *śyenāḥ* м. ‘Raubvogel, Adler, Falke, Habicht’ ~ греч. ἵκτινος ‘вид хищной птицы’ || KEWA III, 385; Frisk I, 719;
3. др.-инд. *aiṅkāḥ* м. ‘Biegung, Haken’ ~ греч. ὅγκος м. ‘Widerhaken des Pfeils, Klampe’, ‘загнутый конец стрелы’ || KEWA I, 19; Frisk II, 347;
4. др.-инд. *āntrám* н. ‘Eingeweide’ ~ греч. ἔντερον н. ‘кишка’, пл. ἔντερα ‘внутренности’; герм. *éṇþrō пл. н. [> др.-исл. *innr*, *iðr* пл. н. ‘внутренности’]; слав. *ętrā > *etrá || KEWA I, 74, 36, 35; Frisk I, 524—525; Barber 1932: 46; ср. Илич-Свитыч 1963: 122;
5. др.-инд. *kumbhāḥ* м. ‘Topf, Krug’ ~ греч. κύμβος м. ‘Hohlgefäß, Schale’, κύμβη ф. ‘чаша’ || KEWA I, 234; Frisk II, 48;
6. др.-инд. *cakrāḥ* м., *cakrám* н. ‘Wagenrad’ ~ греч. κύκλος м. ‘круг, колесо’, пл. также κύκλα;

¹ См. также эти списки в переработанном С. Л. Николаевым виде в ОСА 1: 70 слл. Здесь приводится дополнительный по сравнению с названными источниками этимологический разбор.

- герм. **hvélvula-* < **kʷékʷlo-* (др.-исл. *hjōl*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:l] ‘колесо’ || KEWA I, 366; Frisk II, 44–45;
7. др.-инд. *udrāḥ* м. ‘ein Wassertier’ ~ греч. ὕδρος м. ‘водяная змея’, ὕδρα f. ‘тидра’; лит. *ūdra* (1) ‘выдра’, слав. *výdrā (а.п. а) ‘выдра’: русск. *выйдра*, укр. *війдра*, блр. *выйдра*, болг. *выйдра*, схрв. *війдра*; но лит. диал. *ūdras*, nom. pl. *ūdraī* (3) ‘выдра’ (TiŽ, II, 474), лтш. *ūdrs* и *ūdris* ‘выдра’ || KEWA I, 104; Frisk II, 957;
8. др.-инд. *kandarāḥ* м., -ām п., -ī, -ā f. ‘Höhle, Schlucht’ ~ греч. κάνδαλοι κοιλώματα, βάθρα (Hes.) ‘впадины, полости; основания’ || KEWA I, 152;
9. др.-инд. *gandharvāḥ* м. Name eines mythischen Wesens ~ греч. κένταυρος м. ‘кентавр’ (фонетика последнего слова, видимо, изменена по аналогии с ταῦρος) || KEWA I, 321; Frisk I, 819–820;
10. др.-инд. *śarabhāḥ* м. eine Hirsch-Art ~ греч. κίραφος · ἀλώπηξ (Hes.) ‘Fuchs’ || KEWA III, 305; Frisk I, 857;
11. др.-инд. *karaṇā* f. ‘Raupe’ ~ греч. κάμπτη f. ‘Kohlräupe, Seidenraupe’ (< **kṛpr̥nā*, KEWA I, 154) || KEWA I, 154; Frisk I, 774;
12. др.-инд. *stupāḥ* м. ‘Schopf, Haarschopf’ ~ греч. στύπτη f. ‘Werg, grober Flachs’, также στύπος = στύπτη (κάλοι ἀπὸ στύπου Gal.) || KEWA III, 516; Frisk II, 814;
13. др.-инд. *darbhāḥ* м. ‘Grasbüschel, Buschgras’ ~ греч. δάρπη · σαργάνη, κόφινος (Hes.) ‘Korb’ (контаминация τάρπη и *δάρφη, Güntert 1927: 347) || KEWA II, 23; Frisk I, 350;
14. др.-инд. *jyā, jiā* f. ‘Gewalt, Macht’ ~ греч. βία, βίη f. ‘Kraft, Gewalt’ || KEWA I, 448; Frisk I, 235;
15. др.-инд. *dhākāḥ* м. ‘Behälter’ ~ греч. θήκη f. ‘Behältnis, Kasten, Grab’ || KEWA II, 96; Frisk I, 670;
16. др.-инд. *divyāḥ, diviyāḥ* adj. ‘göttlich, himmlisch’ ~ греч. δῖος adj. ‘zum Himmel gehörig, göttlich’ || KEWA II, 43; Frisk I, 396–397;
17. др.-инд. *saptamā-* adj. ‘седьмой’ ~ греч. ἑβδόμος adj. ‘der siebente’ || KEWA III, 431; Frisk I, 435;
18. др.-инд. *katarāḥ* ‘welcher von zweien’ ~ греч. πότερος, ион. κότερος ‘welcher od. wer von beiden?’; герм. *lvapharaz ~ *lvéparaz (< *lváparaz ~ *lvéparaz) adj. pron. (гот. *lvaphar* ‘wer von beider’; др.-англ. *hwædēr, hwedēr*; др.-сакс. *hwedār*, др.-в.-нем. *hwedar* ‘wer von beiden?’); слав. *kòtòrь > *kotòrь || KEWA I, 148; Frisk II, 586; Orel 2003: 199; Feist 1939: 283; БЕР 2: 679–680.

Сомнительно предполагаемое авторами отношение к этой группе: др.-инд. *dhūtmáḥ* м. ‘Rauch’ ~ греч. θύμος м., θύμον п. ‘Thymian’ (авторы не принимают сближения с греч. θῦμός м. ‘Geist, Mut, Zorn, Sinn’) || KEWA II, 109; Frisk I, 693. Так как авторы не дали альтернативной этимологии греч. θῦμός, которая бы надежно устранила эту форму из традиционного сближения, она остается как первичная, а лат. *fūmus* м. ‘Rauch, Dampf, Qualm, Brodem’ может рассматриваться как дополнительный пример действия закона Хирта в латинском.

Я не привожу в [Дыбо в печ.] атематических основ, в которых различие древнеиндийской и греческой акцентовок может объясняться генерализацией разных акцентовок подвижной акцентной парадигмы, и форм -i- и -i-склонений, значительное количество разных акцентовок этих имен, устанавливаемых в германских языках по рефлексации согласно закону Вернера, вызвало предположение о наличии первично подвижного акцентного типа у этих имен, в дальнейшем «генерализировавшегося» в окситонезу или баритонезу.

В дальнейшем С. Л. Николаев, изучив акцентовку древнеиндийских производных имен с суффиксами I (доминантного) класса, пришел к выводу, что эти имена получали конечное ударение, если их корни относились также к I (доминантному) классу, см. ОСА 1: 53 ссл. Так как класс суффикса, по-видимому, определялся просодической характеристикой тематического гласного, включенного в данный суффикс, С. Л. Николаев рассмотрел акцентовку установленных С. А. Старостиным древнеиндийских *nomina activa* и *nomina passiva*, у которых роль суффикса играл тематический гласный, и соответствующих им греческих девербативов, что позволило ему создать следующую схему акцентовок при различных сочетаниях морфем (подчеркнута позиция, где греческая акцентовка отличается от древнеиндийской):

Сочетание морфем (корень + суффикс)		Древне- индийский	Древне- греческий
I	I	oxytona	barytona
I	II	barytona	barytona
II	I	barytona	barytona
II	II	oxytona	oxytona

Общее правило таково: в греческом баритонированной является любая форма, где содержится морфема I кл., в древнеиндийском же баритонированными являются лишь формы, состоящие из морфем различных классов.

(Обоснование принципиально другой акцентологической концепции см. в Lubotsky 1988 и Лубоцкий 1991. Обсуждение теории А. Лубоцкого, впрочем, выходит за рамки настоящей заметки.)

Греческий в этом отношении близок к балто-славянскому, в котором формы-энклиномены могут состоять лишь из морфем II класса, а присутствие в форме доминантной морфемы определяет ее ортотонический статус (ОСА 1: 69). С. Л. Николаев относит время возникновения этой акцентологической особенности древнеиндийского, по-видимому, еще к периоду индоевропейских диалектов, считая, что эту же особенность разделяет с древнеиндийским прагерманский, чему однако противоречат: 1) герм. *hélvula- < **kʷékʷlo-* (при греч. κύκλος т., pl. κύκλοι и κύκλα, но др.-инд. *cakrá* т., п. ‘колесо’), 2) герм. *énþrō pl. п. (при греч. ἔντερον ‘кишка’, pl. ‘внутренности’, но др.-инд. *āntrá-* п. ‘entrail’, ‘внутренности, кишки’ RV, *antrá-* п.), 3) герм. *háþaraz ~ *hēþaraz (при греч. πότερος, ион. κότερος ‘welcher od. wer von beiden?’, но др.-инд. *kataráḥ* ‘welcher von zweien’).

Дардский язык шина (Shina, Šinā) довольно последовательно сохраняет древнеиндийскую акцентовку имен и глаголов. Эта особенность характерна, по-видимому, еще для нескольких дардских и кафирских языков, но они плохо или недостаточно подробно описаны. Только шина (диалект гильгит) имеет грамматику и более или менее приличный словарь с отмеченным местом ударения (Bailey 1924). В 1972 году я опубликовал краткую статью «О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках» (Дыбо 1972). Знакомясь с новыми публикациями по дардским и другим индоиранским языкам, я обнаружил ряд работ, подтверждающих тональный характер ударения долготных слогов в шина, что заметил еще Бейли, и поддерживающих мою гипотезу о причинах возникновения тональных различий в дардских языках, предложенную в той же статье, в результате исследования системы тональных оппозиций в языке дамели. К сожалению, в этих же публикациях обнаружилось полное незнание моей работы и явное игнорирование результатов и проблем сравнительно-исторической и исторической акцентологии (что характерно для синхронистов, воспитанных на якобы Соссюровском «Курсе общей лингвистики»²). Поэтому я счел необходимым

опубликовать в более полном виде материалы и результаты моих исследований по акцентной системе языка шина в работе «Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии» (ниже [Дыбо в печ.]). В этимологизируемом ныне словарном составе языка шина (диалект гильгит) по словарю [Bailey 1924] обнаруживается около 90 баритонированных существительных, соответствующих баритонированным именам древнеиндийского, и около 50 окситонированных существительных, соответствующих окситонированным именам древнеиндийского. По материалам [Bailey 1924] в шина различные акцентные типы у первичных прилагательных не обнаруживаются. Это, по-видимому, объясняется тем, что прилагательные в шина согласуются с существительными в роде и числе, но не в падеже, что, возможно, облегчило генерализацию накоренного ударения в этих формах. Возможно, однако, что тонкие отличия акцентовки исторически окситонированных форм от баритонированных были просто не замечены аудиторами. Среди баритонированных существительных шина обнаружено 7 имен, которым в ведийском соответствуют имена с сваритой в конце слова, это преобразование согласуется с подобным же в системе Шатаптхабрахманы.

Ряд баритонированных имен шина характерен тем, что в ведийском им соответствуют окситонированные имена, но в греческом, балто-славянском и в германском им соответствует баритонеза. Показания шина могут свидетельствовать о том, что древнеиндийская окситонеза этих имен является лишь чертой ведийского, но не индоиранского и даже не индоарийского³.

1. Sh. (jij.) ózí ‘entrail’ ~ др.-инд. āntrá- п. ‘entrail’, ‘внутренности, кишки’ RV, *antrá-* п. Suśr. (ср. др.-инд. ántarāḥ ‘der innere, nähere’) || но ср. греч. ἔντερον ‘кишка’, pl. ‘внутренности’; герм. *énþrō pl. п. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. п. ‘внутренности’]; слав. *četrā > *etra [срвб. *jētra* ‘печень’, диал. чак. (Нови) *jētra* pl. п. ‘внутренности’; чеш. *játra*] || Turner I, 53 (1182); KEWA I, 36, 35; Pok. 313;
2. Sh. Gil. cárkū, gen.sg. cárkai, pl. cárkē, gen. cárko т. ‘колесо для прядения, колесо, круг для

цессах преобразования языковых систем. Я думаю, что эта лакуна является результатом реконструкции Курса издателями (при всем моем уважении и восхищении Ш. Балли и А. Сеше).

³ Нижеследующий список приведен также в [Дыбо в печ.]; здесь он снабжен дополнительными комментариями.

² Мое отношение к этой работе определяется тем, что я не могу представить себе, что Ф. де Соссюр мог дойти до такой степени отчаяния, чтобы в теоретическом курсе отказалось от результатов своих сравнительно-исторических исследований, свидетельствующих о достаточно строгих про-

- точки сабли’ [cārk-ū-ě-äi-o, m., spinning wheel, wheel, machine for sharpening sword] ~ др.-инд. *cakrā* m., n. ‘колесо’ || носр. греч. κύκλος m., pl. κύκλοι и κύκλα ‘круг, окружность; колесо (pl. только κύκλα); обруч, обод, кольцо; диск’, герм. **hēlvula-* < **kʷékʷlo-* (др.-исл. *hjōl*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:l] ‘колесо’, при подвижности в лит. *kāklas* ‘шея’ (4 а.п. с др.-лит., см. Иллич-Свитыч 1963: 50; впрочем, вряд ли можно считать опечаткой форму *kāklū* в Библии 1755 г., два раза повторенную в тексте, которая указывает на 2 а.п.) || Bailey 1924: 135a; Turner I, 246 (4538); KEWA I, 336;
3. Sh. Gil. *ūzū*, pl. *ūzē* m. ‘выдра’ [*ūz-ū-ě*, m., otter] ~ др.-инд. *udrāḥ* m. ‘водяное животное (краб или речная выдра)’ (ср. также др.-инд. *udán*, loc. *udáni*, gen. *udnáḥ* ‘Wasser’ ~ греч. ὕδωρ, loc.sg. ὕδατι, gen.sg. ὕδατος ‘Wasser’) || носр. греч. ὕδρος m. ‘водяная змея’ или ‘уж’, ὕδρα f. ‘тидра’, лит. *ūdra* (1) ‘выдра’, слав. *výdrā (а.п. a) ‘выдра’: русск. *выйдра*, укр. *війдра*, бвлр. *выйдра*, болг. *выйдра*, схрв. *війдра*; но лит. диал. *ūdras*, nom. pl. *ūdrai* (3) ‘выдра’ (TiŽ, II, 474), лтш. *ūdrs* и *ūdris* ‘выдра’ || Bailey 1924: 168; Turner I, 96 (2056); KEWA I, 104; Frisk II, 957—959;
4. Sh. Gil. *āzū*, gen.sg. *āzēi*, pl. *āzē*, gen. *āzo* adj.; n., m. ‘туча, облако, дождь; мокрый, дождливый, влажный’ [*āz-ū-ě-ěi-o*, adj. n.m., cloud, rain, wet, damp], [Radl. II, 59: *āže* ‘rains’]; pales. *āzu* ~ др.-инд. *abhrā-* n. (редко m.) ‘cloud, rainy weather’ RV || носр. греч. ὄμβρος m. ‘Regen, Regenguss, Gewitterregen; Regenwasser; das Naß’ < *ómbhro-s (ср. лат. *imber*, *-bris* m. ‘Regen, Regenguss, Platzregen’) || Bailey 1924: 130b; Turner I, 25 (549); KEWA I, 43; Frisk II, 384—385; WH I, 680—681;
5. Sh. Gil. *kāt*, gen. *kāṭai* m. ‘лес, дерево, древесина’ [*kāṭ-* gen. -äi, m., wood] ~ др.-инд. *kāṣṭham* KEWA (при варианте *kāṣṭham* KEWA) ‘полено’ || носр. греч. κάστον · ξύλον (< *kalstom, из-за греч. κάλον, κήλον < *kalσon, по Пизани) || Bailey 1924: 146b; Turner I, 159 (3120); KEWA I, 205;
6. Sh. Gil. *pīṭū*, pl. *pīṭē* m. ‘спина, задняя часть’ [*pīṭ-ū-ě*, m., back] ~ др.-инд. *pṛṣṭhám* n. ‘спина, хребет, верхняя часть, верх’ || носр. лит. *pīṛ̥ṣṭas* ‘палец, палец ухвата’ (2 а.п., представлена повсеместно по диалектам, первоначально n., см. Иллич-Свитыч 1963: 52), слав. **pṛ̥rstъ* (а.п. *d* или *b*, см. Иллич-Свитыч 1963: 128) || Bailey 1924: 158; Turner I, 474 (8371); KEWA II, 338; Fraenkel I, 598;
7. Sh. Gil. *gīri*, pl. *gīryē* f. ‘скала’ [*gīr-i-yě*, f., rock (i is ī long)] ~ др.-инд. *girīḥ* m. ‘скала, гора’ || носр. афг. *yar* m. ‘гора’ (*barytonum*, окситонированная форма отразилась бы как *yṛā), слав. *gora (a.п. b): др.-русск., чеш. диал. *hūra*, польск. *góra*, лит. *giria* (2) ‘лес’, диал. *gīrē* (2) || Bailey 1924: 141a; Turner I, 223 (4161); KEWA I, 335; Fraenkel I, 153;
8. Sh. Gil. *jip*, gen.sg. *jibai*, pl. *jibē*, gen. *jibo* f. ‘язык’ [*jī-p* -bē-bāi-bo, f., tongue (not used for “language”)] ~ др.-инд. *jihvā* f. ‘язык’ (ср. также др.-инд. *juhūḥ* f. ‘Zunge’) || носр. афг. *žāba* f. ‘язык’ (< *zība < *ízba < *hízbā < *hízvā, но может быть и заимствованием из новоиндийских, как предполагал Гейгер) || Bailey 1924: 145; Turner I, 288 (5228); KEWA I, 436—437, 442;
9. Sh. Gil. *bōi*, pl. *bōyē* f. ‘рукав’ [*bō'-i* -yě, f., sleeve] ~ др.-инд. *bāhū-* m. (f. lex.) ‘arm’ RV, *bāhā-* f. Уṇ. || носр. πήχυς m. ‘предплечье, рука’; однако ср. афг. *wāzā* f. ‘сажень (мера длины, равная 2,134 м.), шаг (коня)’, что поддерживает сомнения в тонологическом объяснении, высказанные выше || Bailey 1924: 133b; Turner I, 521 (9229); KEWA II, 429;
10. Sh. Gil. *yōr*, gen. *yōrāi*, pl. *yōrē*, gen. *yōrō* f. ‘мельница (водяная)’, [yōr (nasal vowel) yō'r -ę -äi-o f., large watermill], [Buddr. 1996: *yōr* f. ‘Wassermühle’]; ср. также Dm. *žān* ‘мельница’, нисходящий тон свидетельствует о первоначальной баритонезе ~ но ср. др.-инд. *yantrā-* n. [*vyam-*] ‘controlling device’ RV, ‘any implement or contrivance’ MBh., *yantraka-* n. ‘handmill’ Hcat.; см. ОСА 1: 59—60 (№3 и ведийские подтверждения доминантного характера корня); доминантность корня подтверждается и славянскими данными (Дыбо 2000: 264, 514) || Bailey 1924: 169a; Turner I, 602 (10412); KEWA III, 7; EWA II, 398;
11. Sh. Gil. *bēzi* f. ‘ясная погода’ [*bēzi*, f., fine weather], [Sh. (Lor.) *biji* f. ‘clear sky’, jij. *bízī*] ~ др.-инд. *vīdhṛā-* n. ‘clear sky, sunshine’ AV; *vīdhrya-* ‘relating to the clear sky’ VS., при *īdhṛīya-* TS 4, 5, 7, 2; **vīdhṛisya-*; **vaidhṛiya-*. Рассматривается как *vi* + *īdh-rā-* и сближается с греч. αἰθήρ, -έρος f., m. ‘(reine) Luft, (klarer) Himmel’ и подобными, производными с глагольным корнем в греч. αἴθω ‘anzünden’ : др.-инд. *inddhé* ‘entzündet, entflamm’t, édhaḥ m. ‘Brennholz’ = греч. αἴθος m. ‘Brand’. Повидимому, из приведенных основ шина лишь Sh. jij. *bízī* может быть непосредственно связано с др.-инд. *vīdhṛā-*, Sh. Gil. *bēzi* происхо-

- дит скорей из *vaidhrīya- и формально должно быть отнесено к первой группе аномальных баритонез || Bailey 1924: 133a; Turner I, 697 (12051); KEWA III, 237 и I, 88, 95, 128, 557; EWA I, 205; II, 568—569; Frisk I, 37—38;
12. Sh. Gil. *cūrkū*, gen.sg. *cūrkāi* n., m. ‘дрожжи’ [*cūrkū*, adj., sour, acid (1st ū rather narrow): as n., c., or ātāl c. masc., yeast : *cūrkāi*, leavened], [Turner: *cūrkū* m. ‘yeast’] ~ др.-инд. *cukrá* ‘sour, sharp to the taste’; m. ‘a sour fruit drink (esp. of tamarind), vinegar’ Suśr.; ‘name of various sharp-tasting plants, e.g. sorrel’ < *quq-rō- (KEWA предположительно связывает с др.-инд. *kucáti* ‘zieht sich zusammen, krümmt sich’) || Bailey 1924: 136b; Turner I, 264 (4850); KEWA I, 393, 219—220;
13. Sh. Gil. *bāgbīärū*, pl. *bāgbīärē* m. ‘леопард’ [*bāgbīär-*-ū-ę, m., leopard] ~ др.-инд. *vyāghrā* m. ‘tiger’ AV; пракр. *vaggha-* m. ‘tiger’. Традиционный анализ: (*vi-*)āgħrā = греч. ὠχόος ‘blaß-gelb’. Если, как считал Wackernagel (Unt. 234f.), греч. гомер. ὠχόος m. ‘Blässe’, ‘бледность’ (Г 35) является заменой первичного *ῶχος n., то мы имеем здесь образование с доминантным суффиксом *-ro- || Bailey 1924: 130b; Turner I, 706 (12193); KEWA III, 274; EWA II, 593; Frisk II, 1153—1154;
14. Sh. Gil. *nōrū*, pl. *nōrē* m. ‘ноготь’ [nōr -ū -ę, m., nail (finger or toe)], [Buddr. 1996: *nóoro* m. ‘Fingernagel’]. Pl. *nóorye th.* “sich die Nägel schneiden”] ~ но ср. др.-инд. *nakharā* ‘shaped like a claw’ ŚB, m., n. ‘claw’ Pañcat., ‘nail-scratch’ Cat. Др.-инд. *nakharā* — производное от доминантной (по второму слогу) основы *nakhā* m., n. ‘nail (of finger or toe), claw’ RV. с доминантным суффиксом *-ra- || Bailey 1924: 155a; Turner I, 397 (6920); KEWA II, 124; EWA II, 4; Frisk II, 398—399; WH II, 818—819; Fraenkel I, 478—479; Pok. 780;
15. Sh. Gil. *sūr*, pl. *sūrī* m. ‘свинья’ [sūr- -i, m., pig] ~ др.-инд. *sūkarāḥ* m. ‘boar’, ‘боров’, RV. *sūkari* f. ‘sow’ Yājñ. Образовано от основы *sū-ká- с доминантным суффиксом *-ra-. Наличие в индоевропейском этой основы подтверждается герм. *su3ō < *sūxā- f. ‘sow’ (др.-англ. *sugi* f. ‘Sau’; др.-сакс. *suga*; сп.-н.-нем. *soge* ‘Sau’, нидерл. *zeug*) || Bailey 1924: 164; Turner I, 780 (13544); KEWA III, 490; EWA II, 738—739; Orel 2003: 385; Holthausen 1934: 329; Franck & van Wijk: 818; Pok.: 1038.
16. Sh. Gil. *čhīrī*, pl. *čhīryē* f. ‘вымя’ [čhīr- i-yě, f., udder] ~ но ср. др.-инд. *kṣirīn-* ‘yielding milk’; пракр. *khīri-*, f. ?iṇī-. Рассматривается как об- разованное посредством суффикса *-in- от основы *kṣirā* n. ‘молоко’. Эта основа индоиранская. Иранские соответствия: нов.-перс. šīr ‘Milch’, пехл. šīr ‘молоко’, курд., бел. šīr ‘молоко’; осет. *x̥syṛ / ḁxsir ‘молоко’, мундž. x̥širo, в. x̥šīrā m. ‘молоко; молоко, сок (растения)’, идга x̥šīra m. ‘milk’ (Mrst. II, 270); авест. apa-x̥šīrā- название страны — «безмолочная». По-видимому, эту основу трудно отделить от авест. x̥šīd- m. ‘Milch’ (-v-, возможно, под влиянием другого авестийского названия молока x̥šīpta-), в этом случае индоиранская основа *kṣī-ra- оказывается, вероятно, отглагольным производным с доминантным суффиксом *-ra-. В. И. Абаев предлагает для производящего глагола корень *x̥say- ‘сиять’, связывая его с авест. x̥sayeiti ‘herrscht, besitzt’ = др.-инд. kṣāyati ‘herrscht, besitzt’; значение ‘сиять’ проявляется в производных: авест. x̥saēta- Adj., f. x̥sōiθnī- ‘licht, strahlend, glänzend, herrlich’ || Bailey 1924: 136a; Turner I, 192 (3704); KEWA I, 290, 287; EWA I, 433, 438; Абаев IV 241—242, 233—234, 235;
17. Sh. Gil. *yāp*, gen.sg. *yābāi* f. ‘арык (канал для ирригации)’ [yāp, gen. yābāi, f., watercourse for irrigation] ~ др.-инд. *yāvyaā-* f. ‘stream’ Naigh. (in *yāvyaāvati*- ‘Name eines Flusses’ RV. 6,27,6, PB 25, 7,2). KEWA (III) рассматривает как производное с глагольным корнем *yu- ‘sich bewegen’ и суффиксом -yā-, доминантный характер которого показывают балтославянские данные. Корень, вероятно, также был доминантным (презенс по 2.кл.) || Bailey 1924: 168b; Turner I, 604 (10442); KEWA III, 11, 19; EWA II, 405; Pok. 507, 508, 511;
18. Sh. Gil. *būç*, *būçh*, gen.sg. *būçai*, pl. *būçi*, gen. *būço* m. ‘платан восточный (чинара)’ [būç-(h)-i-äi-o, m., chenar tree], [Turner: Sh. Gil. *būçh*, *būç* m. ‘plane-tree’] ~ др.-инд. *vṛkṣā* m. ‘tree’ RV; пали *mālā-vaccha* m. ‘an ornamental shrub or tree’. Связывается с основой *válśa* m. ‘Schößling, Triebl, Zweig’ RV. Баритонеза последнего указывает скорей всего на доминантность корня. Конечное ударение в ведийском *vṛkṣā* в этом случае может свидетельствовать о доминантности суффикса -sa- || Bailey 1924: 133b; Turner I, 698 (12067); KEWA III, 242; EWA II, 572, 526—527;
19. Sh. Gil. *pāč*, gen.sg. *pāčai* m. ‘пол месяца, две недели’ [pāč-, gen. -äi, m., half a month], [Turn.: ‘fortnight’] ~ но ср. др.-инд. *pakṣā* m. ‘wing, feather, fin, shoulder, side’ RV, ‘side of a building’ AV, ‘party, troop’ MBh.; *pákṣas-* n.

- 'side' RV, 'side of door' VS., *pakṣaka-* m. 'side' Šíš, 'fan' Gal. По-видимому, < *pag-sa- и связано с балтославянской группой: слав. *raхъ* : лтш. *paksis* 'Hausecke', слав. *pag-* (чеш. *paže*, в.-луж. *podpaža*), слав. *roxy f. (русск. *нахвá*, pl. *нахвí*, *нахвí*; укр. pl. *níxvi*; схрв. *nòbi* pl.; чеш. *pochva*, *pochvy* pl.; польск. *pochwa*). Чередование гласных в славянском объясняется законом Винтера. Корень явно доминантный, о суффиксе см. в предшествующем примере || Bailey 1924: 155b; Turner I, 429 (7627); KEWA II, 184; EWA II, 62;
20. Sh. Gil. *jāži*, gen.sg. *jāžai* f. 'стригущий лишай' [jāz-ě, gen. -ái, f., ringworm] (с диссимиляцией < *dradr- < dadru-) ~ др.-инд. *dadrú-* m. 'cutaneous eruption' Suśr., *rū-* Pāṇ. vārtt., *dardū-*, *dardrū* Uṇ. com.; пали *daddu-* n. 'a skin disease'; пракр. *daddu-* m. 'ringworm' (рассматривается как редупликация от корня и.-е. *der(ə)-; KEWA связывает с др.-инд. *dṛṇāti* 'birst, macht bersten, sprengt, zerreißt') || Bailey 1924: 144b; Turner I, 351 (6142); KEWA II, 14, 59; EWA I, 701–703;
21. Sh. Gil. *nír*, gen.sg. *nírái* f. 'сон' [nir (i very short), gen. nírái, f., sleep] ~ но ср. др.-инд. *níd rá-* f. 'sleep' RV. Восходит к глаголу др.-инд. *dráti* 'schläft'. Может рассматриваться как сложение корня с доминантной приставкой, корень также доминантный || Bailey 1924: 155a; Turner I, 411 (7200); KEWA II, 76; EWA I, 757–758;
22. Sh. Gil. *dōṇī*, pl. *dōṇē* m. 'ручка, рукоять' [dōṇ-ū-ě, m., handle (of polo stick, golf club, axe, carpenter's tools)] ~ др.-инд. *daṇḍá-* m. 'stick, club' RV, 'handle' AB, 'control' ManuSmr., 'punishment' PB., 'stalk, stem' MBh.; пали *daṇḍa-* 'stem of tree, stick, handle, punishment'; пракр. *daṇḍa-*, *da*° m. 'stick, &c.'; предполагалось, < **dandrá-* при сравнении с греч. δένδρον n. 'Baum', сейчас это сравнение отвергается, так как первичным для греческого считается δένδρεον, однако греч. δένδρον может отражать греко-арийскую инновацию, что возвращает нас к традиционному сближению. Принятие недоказанного мундского или дравидийского источника выводит основу из сравнения || Bailey 1924: 138b; Turner I, 350 (6128); KEWA II, 11–12; EWA I, 691–692; Frisk I, 365–366;
23. Sh. Gil. *dut*, gen.sg. *dútái* m. 'молоко' [dut- gen. -ái, m., milk] ~ но ср. др.-инд. *dugdhá-* n. 'milk' AV. [duh-]; пали, пракр. *duddha-* n.; формально part. praet. pass. от глагола *dógdhi* 'melkt, melkt heraus, ziet heraus' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 139a; Turner I, 365 (6391); KEWA II, 66; EWA I, 747–748;
24. Sh. Gil. *dōṇu*, pl. *dōṇē* m. 'бык' [dōṇ-ū-ě, m., bull], [Buddruss 1996: dóonei gen.sg. 'des Ochsen'] ~ др.-инд. *dāntá-* 'tamed' TB, m. 'tamed ox' Rājat.; формально part. praet. pass. от глагола *dámyati* 'ist zahm; bändigt, bezwingt'; греч. δάμνημι 'bändige, bewältige' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 138b; Turner I, 359 (6273); KEWA II, 33–34, 35; EWA I, 698;
25. Sh. Gil. *nătē* m. pl. 'танец' [nătē dočki, dance (nătē is m. pl.)] ~ но ср. др.-инд. *nṛttá-* n. 'dancing' AV. [nṛt-]; формально part. praet. pass. от глагола *nṛtyati* 'tanzt' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 154b; Turner I, 427 (7580); KEWA II, 177–178; EWA II, 21–22;
26. Sh. Gil. *gon* m. 'запах, аромат' [gōn, m., smell] ~ др.-инд. *gandháḥ* m. 'запах, аромат, духи'. Индоиранская основа, словообразовательно связана с др.-инд. *dhūmágandhi-* 'nach Rauch riechend' RV, *sugándhi-* 'wohlriechend' и с иранскими: мл.-авест. *gaiṇti*- f. 'übler Geruch', *duž-gaiṇti* 'überriechend, stinkend', парф. *gnd'g* 'stinkend', ср.-перс. и нов.-перс. *gand* 'Gestank'. Др.-инд. *-dh-* может быть получен из глагольного презентного детерминанта || Bailey 1924: 141; Turner I, 214–215 (4014); KEWA I, 322; EWA I, 461–462;
27. Sh. Gil. *philílj*, gen.sg. *philílyē*, pl. *philílye*, gen. *philílyo* f. 'муравей' [phílil-í -yé -yéi -yo, f., ant] ~ но ср. др.-инд. *pipilá-* m. 'ant' RV, *laka-* m 'large black ant' ChUp., *pipílkā-* f. 'small red ant' AV, *pilaka-* m. 'ant' lex.; **piphīla-*, **ippīla-*, **pirphīla-*, **pirpīda-*, **pilīla-*. Индоевропейской этимологии нет || Bailey 1924: 157b; Turner I, 463 (8201); KEWA II, 284–285; EWA II, 132–133;
28. Sh. Gil. *bān*, pl. *bāni* m. 'линия на месте соединения сустава, частей ствола бамбука, сахарного тростника' [bān- ī, m., joint in body, in finger or toe (but not phalanx itself), in bamboo, sugarcane, etc.] ~ но ср. др.-инд. *bandhá-* m. 'bond' RV, 'damming' MārkP., 'custody' Mn., 'deposit, pledge' Rājat. Девербатив от глагола *badhnáti* 'bindet', xc. *baitti* 'wird gebunden, bindet sich' (< *badyati, Konow 1941: 55), который, по-видимому, относится к I (доминантному) классу. Конечная акцентовка основы в ведийском объясняется доминант-

- ным характером суффикса (тематического гласного) девербатива || Bailey 1924: 131a; Turner I, 515 (9136); KEWA II, 407, 406; EWA II, 208; Pok. 127;
29. Sh. Gil. *mīn*, pl. *mīnē* f. ‘чеченица’ [mīn -ě, f., lentils] ~ др.-инд. *mudgá-* m. ‘the bean Phaseolus mungo’ VS.; пали, пракр. *mugga-* m. ‘Phaseolus mungo’; La. *muñg*. Возможно др.-инд. *mudgá-* < **muzgá-*, как это предлагается для др.-инд. *mudgarah* m. ‘Hammer’ сравнением с чеш. *možditi* ‘zerschlagen’ (соответственно: русск. можжить или можжить ‘бить или толочь до раздробления, плющить, разнимать боемъ или раскатомъ’ (Даль); схрв. *møžditi*, -dým ‘давить, мять (виноград). В этом случае допустимо сближение с слав. *mozgъ а.п. d [OCA 1: 230–233] || Bailey 1924: 153b; Turner I, 588 (10198); KEWA II, 653; EWA II, 361;
30. Sh. Gil. *bákū*, gen.sg. *bákēi*, pl. *bákē*, gen. *báko* m. ‘ветвь’ [bák-ű-ě-ě-i-o, m., branch] ~ др.-инд. *valká-* m. ‘bark of a tree’, ‘lyko’ TS.; пракр. *vakka-* n. ‘skin, bark’. Связывают со слав. *volkno n. (а.п. b) || Bailey 1924: 131a; Turner I, 666 (11417); KEWA III, 164; EWA II, 525–526;
31. Sh. Gil. *bīš* m. ‘яд, отрава; аконит’ [bīš, m., poison], [Turn.: Sh. *bīš* m. ‘poison, aconite’] ~ др.-инд. *viśá-* n. ‘poison’ RV, ‘ein Aconitum’; пали, пракр. *visa-* n. (пракр. также m.); авест. *viś-* n. ‘Gift, Giftschaft’, *viśa-* n. ‘Gift’ (Bartholomae 1961: 1472); греч. *ἴός* m. ‘яд; сок’; лат. *vīrus*, -ī n. ‘zähe Flüssigkeit, Schleim, Saft; bes. Gift; Schärfe, Bitterkeit’; слав. *vīxъ* ‘ядовитая трава’ (русск. *віхъ*, укр. зап.-укр. *весъ*;польск. диал. [świnia] *wesz*, чеш. диал. [svinská] *veš*; чередование согласных отражает третью палатализацию заднеязычных). В сближении наблюдается контаминация нескольких основ. Выделяются др.-инд. *visá-* n. ‘aconite, poison’; авест. *viś-* n. ‘Gift, Giftschaft’; слав. *vīxъ* ‘ядовитая трава’. К этому ряду, по-видимому, относится и Sh. Gil. *bīš* m. ‘яд, отрава; аконит’, первичность его баритонезы подтверждается баритонезой славянского соответствия. Конечное ударение в др.-инд. *visá-* может объясняться или доминантностью суффикса (тематического гласного), или влиянием других участников контаминации || Bailey 1924: 133a; Turner I, 692–693 (11968); KEWA III, 227–228; EWA II, 563–564; WH II, 800; Минлос & Терентьев 2002: 517–539;
32. Sh. Gil. *zūk*, pl. *zūkē* m. ‘почка (анат.)’ [*zūk-* -ě, m., kidney] ~ др.-инд. *vṛkkā-* m. du. ‘kidneys’ AV, *vṛkya-* TS., *vṛkka-* f. ‘heart’ lex.; **vṛakka-*, *bukka-* n. ‘heart’; пали *vakka-* n. ‘kidney’; пракр. *wūk*, *ušūk* || Bailey 1924: 169b; Turner I, 698 (12064); KEWA III, 241–242; EWA II, 571–572.

Таким образом, в ведийском мы наблюдаем, по-видимому, второй этап процесса передвижения акцента на ровных тональных платформах. В моем докладе на XIII съезде славистов [Дыбо 2003] я предложил для объяснения перевода тематических имен индоевропейской подвижной акцентной парадигмы в греко-арийскую окситонированную передвижение акцента на один слог вперед, это передвижение произошло и в греческом, и в древнеиндийском, оно естественно произошло на низкотональных платформах; ведийский, по-видимому, продолжил тенденцию сдвига акцента на конец ровной платформы, перенеся этот процесс на высокотональные платформы. В атематических основах, по-видимому, именно эти передвижения привели к видимости (иллюзии) четырех греко-арийских акцентных типов, которые восстанавливаются рядом исследователей как индоевропейские акростатическая, протеродинамическая, гистеродинамическая и амфидинамическая акцентные парадигмы.

Существенно, что тот реликт индоевропейской акцентной системы, которые наблюдаются в иранских языках — обследованная мною акцентная система языка пушту — также указывает на систему, более близкую к реконструируемой для балто-славянского и германского, что еще больше убеждает во вторичном характере ситуации в ведийском (см. Дыбо 1974).

Все сказанное выше основано на предложенной мною тонологической гипотезе происхождения индоевропейской акцентной системы. В сущности для балто-славянского эта гипотеза может уже считаться доказанной: подвижность акцента в акцентной парадигме, выбор акцентных типов производных, система метатонии. Протогерманская акцентная система в проясняемых частях хорошо согласуется с балто-славянской и получает доказанные данные для объяснения ряда особенностей германского консонантизма. Ведийская и древнегреческая акцентные системы относятся в значительной мере к системам категориального акцента. Но, во-первых, наблюдения над парадигматическими акцентными системами показывают, что они в ходе исторического развития проявляют тенденцию преобразования в категориальные акцентные системы; во-вторых, эти две системы сохраняют следы старого парадигматического со-

стояния в виде двух акцентных типов непроизводных имен, генетически тождественных (по распределению) двум типам акцентных парадигм балто-славянского. В греческом имени баритонированного акцентного типа соответствуют балто-славянским именам баритонной акцентной парадигмы (в славянском а.п. *a* и а.п. *b*), а имена окситонированного акцентного типа (в основном тематические) соответствуют балто-славянским именам подвижной акцентной парадигмы (в греческом подвижность акцента устранена еще на греко-арийском уровне посредством сдвигки акцента в формах-энклиноменах на тематический гласный; вместе с акцентом на стянувшихся с тематическим гласным доминантных окончаниях передвинутый акцент образовал акцентную колонку окситонной колонной акцентной парадигмы). В ведийском баритонная акцентная парадигма расщепилась: имена с доминантным корнем и с обычным рецессивным тематическим гласным сохранились как баритонированный акцентный тип (с неподвижным начальным ударением), имена с доминантным корнем и с доминантным тематическим гласным передвинули акцент на тематический гласный, образовав группу окситонированных имен, которые совпали с именами бывшей индоевропейской подвижной акцентной парадигмы, в греко-арийском преобразованной в окситонированную колонную. Что же представляет собой этот доминантный тематический гласный? Впервые мы встретились с ним при анализе суффикса **-āk-* (см. [Дыбо 1981: 259; подробнее Дыбо 2009: 58–59]), при этом, конечно, были рассмотрены все *-k*-суффиксы и установлено, что «метатония» (как собственно метатония, так и просто преобразование рецессивного адъективного суффикса вместе с его соединительным гласным в доминантный субстантивный) не связана с консонантной частью суффикса и лишь относительно связана с соединительным гласным: при долготном гласном акут преобразуется в циркумфлекс, при краткостном появляется лишь доминантность. То, что эту «метатонию» можно связать лишь с тематическим гласным показывает феномен герм. **frōðaz < *frōþás* adj. ‘*klug, weise*’ ~ лит. *prōt̥as* (2) subst. ‘ум, разум, рассудок’. Обе основы — девербативы. Но одна (германская) — адъективный девербатив, другая (балтийская) — субстантивный девербатив.

На следующем этапе С. Л. Николаев установил подобный же механизм в отглагольном словообразовании. Основы с суфф. *-to-* можно оценивать двояко: и как отглагольные образования, и как образования от страдательных причастий (отглагольных прилагательных); но образования с суфф.

*-dlo-/tlo- — это уже чисто отглагольные субстантивы. Таким образом доминантный тематический гласный обычно применялся в образовании субстантивных девербативов, являясь суффиксом этих девербативов или входя в состав суффиксов, служивших для образования отглагольных субстантивов. В приводимом выше материале из шина мы имеем некоторый набор таких суффиксов: *-tra-* (= **-dlo-/tlo-*), *-ra-* (= **-ro-/lo-*), *-ya-* (= **-io-*), *-sa-*. Доминантность трех (**-dlo-/tlo-*, **-ro-/lo-*, **-io-*) подтверждается балто-славянским. Относительно **-dlo-/tlo-*, см. Николаев 1989: 47–56; Дыбо 2009: 27–30 (о поведении этого суффикса в ведийском см. анализ Николаева в ОСА 1: 59–63); относительно именного суффикса **-io-*,ср. слав. **kljūčjь*, gen.sg. **kljūčja* > **kljūčjā* а.п. *b* (ср. лит. *kliáuti* ‘тнуть’; лтш. *kļāut* ‘наклонять, прижимать’; греч. κληῖς, дор. κλᾶίς ‘ключ’; лат. *clāvus* ‘твоздь’, *clāvis* ‘ключ’); слав. *lūčjь*, gen.sg. **lūčja* > **lučjā* а.п. *b* (ср. др.-инду. *rokāḥ* ‘свет’; герм. **laužaz* < **lauxás* m. ‘flame’, ‘пламя’⁴); слав. *mēčjь*, gen.sg. *mēčja* > *mēčjā*. (ср. лит. *mīkyti* ‘мять, месить’; лтш. *mīkt* ‘размягчаться’).

Естественно, подобную ситуацию можно ожидать и в глагольной системе древнеиндийского. Суффикс *-ya-* (< **-io-/ie-*) по данным балто-славянского доминантный⁵. Это, по-видимому означает, что в ведийском при доминантном корне основа фонетически закономерно должна была иметь ударение на суффиксе *-ya-*, при рецессивном корне ударение должно было остаться на корне, см. выше схему С. Л. Николаева. Причина, почему ударение при рецессивном корне остается на корне, а не сдвигается на доминантный суффикс, подробно изложена мною в [Дыбо 2003: 150–153].

Шина, по-видимому, хорошо соответствует предлагаемой схеме. Так как в прадардском передвижения акцента на ровных высоких платформах не происходило, все презенсы с суффиксом *-ya-* показывают накоренное ударение. Это же относится и к презенсу пассива. Вот пояснение Т. Г. Бейли

⁴ Ср. реликтовое различие в германском *nomina activa*: **laužaz* < **lauxás* m. ‘flame’ (др.-исл. *leygr* ‘flame, fire’; др.-англ. *liz* ‘flame, lightning’, др.-фриз. *loga* ‘flame, fire’; др.-в.-нем. *loug* id.) и *nomina passiva*: **lauxaz* < **láuxas* m. ‘open space, meadow’ (др.-исл. *ló* ‘clearing (in the woods), meadow’; др.-англ. *léah* ‘meadow, open space’; ср.-н.-нем. *lo* ‘bush’, др.-в.-нем. *lōh* ‘grove, bush’; ср. лит. диал. **laūkas* (2) ‘луг’ [Иллич-Свityч 1963: 34–35]).

⁵ См. ОСА: 64, основы на шумные. В рецессивных основах на сонант (ОСА: 62–63) *-i*-элемент либо является частью корня (лит. *nimi*), либо вторично появляется по аналогии (жевати, клевати, сновати), см. подробно Дыбо 2000: 227–303, 377–396.

об образовании форм пассива и его спряжении: «The passive is formed by adding *-izh* to the root of the active and conjugating like a verb of the 2nd conj.» (Bailey 1924: 29). Последнее замечание означает, что ударение остается на корне, но при краткости слова корня (так же как и при двусложности основы имени) ударение передвигается на следующий слог основы (т. е. на *-izh*). Формант пассива *-izh*, по-видимому, восходит к *-ya-*.

Глаголы с основами на *-ya-* и их отражение в шипна

а) В ведийском ударение на корне (традиционный IV класс):

1. Sh. Gil. *biližhēi* ‘тает’ [bili-ižhóikj-í ‘zhēi-á’ dū II melt (intr.)] (Radl. II, 61: bilaáj-am ‘I will melt’) ~ др.-инд. *vílyate* и *vilyate* AV. ‘lässt sich auf’ (так KEWA III, 102 sub v. *lināti*, что неправильно, так как это и.-е. **plēi-*. В EWA II, 474—475 sub √LAY ‘sich schmiegen, anhaften’, что также неверно, так как указанный Майрхофером корень — это и.-е. **leiH-*. Для удараения ср. также бесприставочный глагол: др.-инд. *rīyate* (относительно значения — вот подборка примеров с ним из Ригведы с переводом Т. Я. Елизаренковой: I, 85₃ ánu *rīyate* *ghṛtám* «жир струится (вслед за ними на (их) пути)»; I, 30₂ *nīmāt* ná *rīyate* «стекает, как (река), в низину»; X 53₈: áśmanvatī *rīyate* «текет каменистая (река)»; X 40₃: *rīyante* ... *síndhavo* «текут реки, (словно в низину,)»); с приставкой *vi-* этот *-ya-*-глагол естественно получает значение ‘растекается’. Turner I, 688 приводит др.-инд. форму **virīyate* ‘is melted’ (11862), она, по-видимому, не зафиксирована в ведийской литературе, но пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(araṭhī) *virñē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā*, *virñyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др., см. Turner I, 688 (11862, sub **virīyate* ‘is melted’). Как этимологически соотносятся эти корни с ведийским корнем *Rī* (*rīyate*) ‘течь’ (по мнению Л. И. Кулакова, основанному прежде всего на попытке сомнительной внешней этимологии Майрхофера, повторяемой под вопросом в LIV²: 305, значение восходит через ‘стремительно течь’ к ‘мчаться’), для автора не вполне ясно, но семантическая связь с приставочным глаголом ‘таять’ вполне реальна: все встречающиеся в RV относятся к жидкости — воде, жиру; ср. также развитие слав. *tek-*(укр. *tikati* ‘бежать’ и под.); неразличение же в пра-индоиранском рефлексов ПИЕ **l* и **r* пока ни в одной реконструкции не отмечено || Bailey 1924: 133a; Turner I, 690 (11906); KEWA III, 102; EWA II, 474—475; Dybo 2002: 371—372, ср. LIV²: 406; Gotō 1987: 279; Kulikov 2001; 2011;
2. Sh. Gil. *dāzhēi* ‘горит (дрова и т. п.)’ [dazhóikj dāzhē dādū, II, v. intr., burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dāhyate* RVKh.² ‘to be burnt’. См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dahyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 362 (6325 Sh. отсутствует); Kulikov 2001; 2011;
3. Sh. Gil. *dīz̄hēi* ‘падает’ [dīzhóikj dīzhām dītūs (í in dītūs is í long), II, fall] ~ др.-инд. *dīyati* ‘летит’ || Bailey 1924: 138b; Turner I, 364 (6364); Werba 1997: 295;
4. Sh. Gil. *nāshēi* ‘потерян’ [nashóikj nāshām naṭūs, II, be lost] ~ др.-инд. *nāsyati* ‘исчезает, теряется, гибнет’ || Bailey 1924: 154b; Turner I, 403 (7027);
5. Sh. Gil. *pārūžhej* ‘слышит, слушает’ [pārūžhóikj -ú’ zhām -ú’ dūs, II, hear, understand] (Radl. II, 61: parúj-am ‘I will hear’) ~ др.-инд. **paribudhyate*, для удараения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *budhyate* ‘воспринимает, понимает’ || Bailey 1924: 156a; Turner I, 443 (7848);
6. Sh. Gil. *pāshēi* ‘видит, смотрит’ [pashóikj pā’ shām pashī gas, II 1 ac., see] ~ др.-инд. *pāsyati*

По мнению в Kulikov 2001, 2011 (с предш. лит.), синхронно следует различать два древнеиндийских корня вида *Lī*: 1 ‘растворяться, плавиться’ (в ведийских текстах отмечен только с приставками *vi-* и *pra-*: *vi-līyate*, *prālīyate*), 2 ‘прилегать, примыкать, прилепляться’. К первому корню с префиксом *vi-* относятся и диалектные формы с *r* вместо *l*: пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(araṭhī) *virñē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā*, *virñyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др., см. Turner I, 688 (11862, sub **virīyate* ‘is melted’). Как этимологически соотносятся эти корни с ведийским корнем *Rī* (*rīyate*) ‘течь’ (по мнению Л. И. Кулакова, основанному прежде всего на попытке сомнительной внешней этимологии Майрхофера, повторяемой под вопросом в LIV²: 305, значение восходит через ‘стремительно течь’ к ‘мчаться’), для автора не вполне ясно, но семантическая связь с приставочным глаголом ‘таять’ вполне реальна: все встречающиеся в RV относятся к жидкости — воде, жиру; ср. также развитие слав. *tek-*(укр. *tikati* ‘бежать’ и под.); неразличение же в пра-индоиранском рефлексов ПИЕ **l* и **r* пока ни в одной реконструкции не отмечено || Bailey 1924: 133a; Turner I, 690 (11906); KEWA III, 102; EWA II, 474—475; Dybo 2002: 371—372, ср. LIV²: 406; Gotō 1987: 279; Kulikov 2001; 2011;

2. Sh. Gil. *dāzhēi* ‘горит (дрова и т. п.)’ [dazhóikj dāzhē dādū, II, v. intr., burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dāhyate* RVKh.² ‘to be burnt’. См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dahyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 362 (6325 Sh. отсутствует); Kulikov 2001; 2011;
3. Sh. Gil. *dīz̄hēi* ‘падает’ [dīzhóikj dīzhām dītūs (í in dītūs is í long), II, fall] ~ др.-инд. *dīyati* ‘летит’ || Bailey 1924: 138b; Turner I, 364 (6364); Werba 1997: 295;
4. Sh. Gil. *nāshēi* ‘потерян’ [nashóikj nāshām naṭūs, II, be lost] ~ др.-инд. *nāsyati* ‘исчезает, теряется, гибнет’ || Bailey 1924: 154b; Turner I, 403 (7027);
5. Sh. Gil. *pārūžhej* ‘слышит, слушает’ [pārūžhóikj -ú’ zhām -ú’ dūs, II, hear, understand] (Radl. II, 61: parúj-am ‘I will hear’) ~ др.-инд. **paribudhyate*, для удараения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *budhyate* ‘воспринимает, понимает’ || Bailey 1924: 156a; Turner I, 443 (7848);
6. Sh. Gil. *pāshēi* ‘видит, смотрит’ [pashóikj pā’ shām pashī gas, II 1 ac., see] ~ др.-инд. *pāsyati*

- 'sees' RV. [vpaś-] || Bailey 1924: 156b; Turner I, 452 (8012);
7. Sh. Gil. śomēi 'он утомлён' [śom-ōīkī -qm̥ -i'lūs, be tired], [Bailey 1924: 46: śo'mām, к инфинитиву śomōīkī, get tired, к этому же инфинитиву приписаны и каузативные формы презенса] ~ др.-индуист. śrāmyati 'устал, утомлён' || Bailey 1924: 163a; Turner I, 736 (12693);
  8. Sh. Gil. shūshēi 'сожнет' [shushōīkī shūshēi śhūkū, II, bekome dry], ~ др.-индуист. śūṣyati 'сожнет' || Bailey 1924: 162a; Turner I, 728 (12559).

б) В ведийском ударение на суффиксе (традиционный пассив):

1. Sh. Gil. avāz̄hei 'необходимо, желательно' [avā-zhōīkī-žhēi-dū or -zh̄lū, be proper or necessary or advisable, necessary, ought: II]; avāz̄hoīkī 'to be proper or necessary or advisable' ~ др.-индуист. ābadhyate, но возможно, āpadyate < *ābādhyate; для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-индуист. badhyātē 'он связан'; || Bailey 1924: 130a; Turner I, 55 (1221);
2. Sh. Gil. bāzh̄eī 'замерзает'; [bāzhōīkī -bā'zhēi bā'dū, II, freeze (used with gāmūk, ice: g. bādū, it became ice] bāzhōīkī '(of water) to freeze' ~ др.-индуист. badhyātē 'is bound', 'он связан' (ср. пали bajjhati 'он связан, поражён', пракр. bajjhai); || Bailey 1924: 132b; Turner I, 515 (9134);
3. Sh. Gil. būrīzh̄eī 'клонится, опускается к горизонту (о луне, звёздах), погружается в воду'; [būr̥-izhōīkī-žhēi-ī'lūs (i long), -ī'dūs, II, sink, set (of sun, moon, stars) also sink in water, etc.; būrōīkī 'to make sink' [būrōīkī, I, cause to sink (in water, etc.)] ~ др.-индуист. *buḍyate (causat. *bodayati, санскр. lex. bolayati); пракр. buḍḍai 'sinks', buḍḍa- 'sunk' || Bailey 1924: 134a; Turner I, 524 (9272);
4. Sh. Gil. chījēi 'он порван, разорван', 'быть отделённым' [chījōīkī chī'-jām-dū, II, be separated: see chūzhōīkī]; chījōīkī 'to be separated' ~ др.-индуист. chidyate 'is cut, is split', пали chijjati, пракр. chijjāi || Bailey 1924: 135b; Turner I, 276–277 (5042);
5. Sh. Gil. dāzh̄eī 'горит'; [daz̄hōīkī dāzh̄eī dādū, II, v. intr. burn (wood, etc.)] ~ др.-индуист. dahyātē 'горит, сжигаем' (dahyātē TS¹, MS-KS¹, SB⁴). См. ниже во второй части списка о др.-индуист. дублете dāhyātē || Bailey 1924: 138a; Turner I, 357 (6248); Куликов 2001; 2011;
6. Sh. Gil. mirīēi 'умирает' (автоматический сдвиг в шина в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше);

[mirōīkī mirī'qam mūūs, to die] (Radl. II, 61: mirí-am 'I will die') ~ др.-индуист. mriyātē 'умирает'⁶, пали miyyati, mīyati, пракр. mijjātē || Bailey 1924: 152b; Turner I, 599 (10383);

7. Sh. Gil. miśīzh̄eī (автоматический сдвиг в шина в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше) — пассив от miśōīkī. [miśīzhōīkī, miśi'zhām miśi'lūs or miśi'dūs, II, be mixed or associated (int. of next word)] Глагол miśōīkī < др.-индуист. miśrayati 'mixes' KātyāSS., образованного от adj. miśrā 'mixed' RV. (ударение ясно: корень доминантный, суффикс -ra- также доминантный, как показано в именном разделе), к этому глаголу был подстроен пассив *miśryate, который дал в пра-шина *miśīzh̄eī, со сдвигом ударения на второй слог основы получилось miśīzh̄eī || Bailey 1924: 153a; Turner I, 583 (10137);
8. Sh. Gil. rāz̄eī 'is cooked', past part. rádū [raz̄hōīkī, rāzh̄eī, rádu, II, be cooked (in pot)] < Sk. *radhyate 'is softened' (act. radhyatu 'let him subdue' AV), raddhāh 'subdued' RV. [Cf. randhi imper. 'subdue', radham inj. 'may I submit', radhrā-'weak' RV, randhayati 'cooks' MānGS. — √RANDH] || Bailey 1924: 159a; Turner Nep. 532a; Turner I, 614 (10611).

Сходство IV класса глаголов с ведийским пассивом давно обратило на себя внимание: формы страдательного залога отличаются от среднего залога в IV классе только своим насуффиксальным ударением. Исходя из нулевой ступени корневого слога, характерной для глаголов IV класса, обычно считают, что IV класс первоначально имел ударение на суффиксе. Но это лишь предрассудок, связанный с верой в то, что место ударения непосредственно определяется ступенью абляута. В действительности в определенной мере связь между ступенью абляута и местом ударения обнаруживается лишь в системе глагола, что, с моей точки зрения, свидетельствует о ее вторичности, а ударение IV класса можно рассматривать в какой-то степени как архаизм.

⁶ Л. И. Куликов полагает, что эта форма получает насуффиксальное ударение (так же как формы dhriyātē и drīyātē) вследствие фонетического правила *ṛ̥ia > *ṛ̥iā (см. Kulikov 1997). Это правило нужно ему, чтобы объяснить безвариантное насуффиксальное ударение в явно семантически непассивных формах. Замечу, что при принятии предположения об этимологическом, ранее фонологически обусловленном месте ударения, высказанного в начале настоящей заметки, такое правило оказывается ненужным.

Таким образом, система языка шина как бы отражает ситуацию в индоарийском до ведийского сдвига ударения на высокотональных платформах. Но в ведийском могло быть положение, при кото-

ром в порядке С_уС_уС_у отсутствовала определенность в месте акцента, в отличие от порядка С_уС_у#, что могло отразиться в наличии акцентуационных дублетов.

Leonid Kulikov

Leiden University / Institute of Linguistics (Moscow)

Reply to replies

Replies of V. Dybo and A. Kassian offer a number of interesting historical observations, placing the issue of the history of the main accentual type of -ya-present in a new perspective. I will not enter here into a general discussion of the comparability of evidence provided by Balto-Slavic accent and Vedic verbal accentuation, which represents quite an intricate issue on its own, but goes far beyond the scope of the current discussion. Rather, I will confine myself to a few more specific remarks on the data and their interpretation provided by the discussants.

As rightly noticed by A.K., the explanation of several subgroupings within the system of the -ya-presents in Vedic (largely) based on Kuryłowicz's analogical scenarios is not free from complications and several back and forth developments in the accentual history of the -ya-formations. Putting the accentual patterns in direct connections with the tonal schemes of the morphemic sequences in accordance with their accentual types (dominant/recessive) may, at first glance, spare some of such 'redundant' changes of my scenario (as outlined by A.K.).

Yet, this alternative explanation is not free from heavy problems either, while the lack of comparative evidence, quite unfortunately, makes this analysis less falsifiable than the (more traditional) explanation.

Let us take a closer look at the rule that forms the core of Dybo's tonal theory of the genesis of the Vedic accentuation as applied to the accent patterns of the -ya-presents (see p. 207): (i) the -ya-presents derived from the roots of the dominant tonal type should bear the accent on the suffix, whilst (ii) the -ya-presents derived from the roots of the recessive type should have the accent on the root. How could then this purely phonological distribution be dephonologized, so that, ultimately, the place of accentuation becomes conditioned

by the semantic types of -ya-presents? Developing the basic idea of V.D. and A.K., one might assume the following historical scenario: (I) a certain (semantically influential?) group of the -ya-presents of the former type (dominant roots = accent on the suffix) were mostly used as passives and therefore have formed the core group of the -yá-passives, whereas (II) a certain (semantically influential?) group of the -ya-presents of the latter type (recessive roots = accent on the root) mostly occurred in non-passive usages and therefore have given rise to the Old Indian 'class IV' presents, i.e. to the non-passive -ya-presents with the root accentuation. Subsequently, the first group attracted those -ya-passives which, by virtue of the tonal type of the root morpheme (recessive) had accent on the root (with the concomitant accent shift from the root to the suffix, in analogy with the core members of the class: *√'-ya- > √-yá-), while in another class we expect the opposite development: non-passive -ya-presents with the root accentuation attracted other non-passive -ya-presents that had accent on the suffix, with the concomitant accent shift from the suffix to the root, in analogy with the core members of the class: *√-yá- > √'-ya-).

Unfortunately, as noticed by A.K. (p. 199), the Balto-Slavic material furnishes as few as two reliable cognates of the Vedic -ya-presents that can be used for the reconstruction of the original tonal pattern of the Vedic stems. One of them, Slav. *topiti 'warm, make warm' (the exact cognate of the Vedic causative *tā-páyati* id.) must testify to the dominant type of the root, which, in accordance with Dybo's rule, should result in Vedic suffix accentuation *tápyáte* 'heats; suffers'. This accentuation is attested from the Atharvaveda onwards, alongside with the root accentuation *tápyate*, which is met with, in particular, in the Yajur-vedic mantras; see p. 190 above. Another direct com-